

Кара-Мурза С.Г.

**Сложные проблемы
молодежной политики**

МОСКВА 2016

Библиотека аналитика

Сергей Кара-Мурза

**Сложные проблемы
молодежной политики**

«Когито-Центр»

2016

УДК 32.019.5
ББК 60

Кара-Мурза С. Г.

Сложные проблемы молодежной политики / С. Г. Кара-Мурза —
«Когито-Центр», 2016 — (Библиотека аналитика)

ISBN 978-5-89353-490-0

Для эффективной молодежной политики надо иметь верный образ: объекта (молодежи в реальности России) как динамической системы; воздействия ее среды; критических проблем и противоречий, порождающих кризисы и разрывы. Этот образ сейчас неадекватен: из-за дефицита знания нет четкого проекта ни функций политики, ни ее структур-исполнителей. Вместо выбора векторов и ориентиров для целевого развития объекта антикризисные службы подавляют или «замораживают» симптомы угроз и проблем без лечения. В книжке представлены несколько проблем молодежи, чреватых кризисами. Было бы полезно выявить и подвергнуть анализу все ядро подобных проблем и составить их «карту» в динамике изменений и их взаимодействии. На этой основе можно будет провести полноценный структурно-функциональный анализ молодежной политики.

УДК 32.019.5
ББК 60

ISBN 978-5-89353-490-0

© Кара-Мурза С. Г., 2016
© Когито-Центр, 2016

Содержание

Вступление: современная молодежь России – малоизученный предмет	6
Молодежь в кризисном обществе	8
Фон демографии	12
Культурный кризис	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Кара-Мурза

Сложные проблемы молодежной политики

© Кара-Мурза С. Г.

* * *

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – советский и российский учёный, по образованию химик, профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, философ, политолог и публицист, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Вступление: современная молодежь России – малоизученный предмет

Много ведомств готовят и реализуют молодежную политику. На виду усилия двух крайних типов: 1) *оптимистические программы* (патриотизм, «наши», инновации, традиции); 2) контроль за группами с девиантным или преступным поведением, нейтрализация протестных движений.

Судя по литературе и практике, подспудные и обыденные массивные процессы в молодежи оставлены в тени. Они учтены в молодежной политике как постоянная инертная часть, которой занимаются другие службы. Из-за этого образ (модель) объекта политики, – *молодежь в конкретной актуальной реальности России* – не высвечивает тех структур, в которых вызревают самые проблемные риски и угрозы.

Данная записка посвящена именно этой части молодежной политики. Здесь даны несколько кратких («грубых») тезисов, аргументированных эмпирическими исследованиями социологов. Совокупность их публикаций можно считать весьма надежный срез реальности, хотя политических доктрин в них не предлагаются. Тем они и ценны, их данные объективны (с учетом подвижности объекта наблюдения). Однако в целом молодежная политика страдает от слабости ее научного «сопровождения» и осмысления того, что происходит в процессе переживаемой нами социальной катастрофы, которая в большей степени формирует современную молодежь.

Изъян молодежной политики проявляется уже в том, что ее программные документы не имеют вводного «теоретического» раздела, в котором было бы дано объяснение причин, которые заставляют предпринять такую программу, а также изложение представлений о предмете программы. Трудно сказать, *зачем* эта политика (ее функции) и *кто* будет ее выполнять (ее структуры).

Любая программа должна указать, какие политические, социальные и культурные механизмы создали угрозы и проблемы, которые должна преодолеть или смягчить их, и какими средствами предполагается (если предполагается!) остановить действие этих механизмов. Не определив силы и структуры, которые порождают угрозы и проблемы, никакая программа не будет эффективной.

В этой записке говорится именно о проблемах и угрозах.

Первая проблема: не создан *образ* современной молодежи, непосредственного предмета молодежной политики. О молодежи говорят как о гомогенной массе без структурирования. В действительности молодежь – это скорее система большого числа общностей, резко различающихся по демографическим, экономическим, культурным и политическим признакам. Эта очень динамичная система плохо изучена.

Например, молодежь в советском обществе претерпела несколько более или менее глубоких разрывов непрерывности в преемственности мировоззренческой матрицы, но между этими разрывами по 2–3 поколения составляли стабильные блоки, что упрощало практику молодежной политики. Но с 1980-х гг. процессы формирования и развития поколений стали крайне турбулентными. Наблюдения за этими процессами стали сложной функцией, которая требует больших усилий и обновления методологии.

Для начала уточним понятие *поколение*. В социологии с небольшими вариациями понимают этот термин так: «Процесс формирования поколения как чего-то уникального и самобытного тянется несколько лет. Его нижняя граница – поздняя юность (17 лет), а верхняя – ранний период взрослости (25 лет) Именно в этот момент у человека формируются собственные взгляды на общественно-политические явления. Характер поколения, сформированный

событиями, происходившими во времена юности, оказывает решающее влияние на всю последующую – взрослую – жизнь людей» [13]. Иногда расширяют рамки формирования поколения от 8 лет до 12: от 15 лет до 27 лет.

В данный момент проблемное состояние молодежной политики определяют два разных поколения: ядро первого поколения – пережившие подростками крах СССР (сейчас им за 30), ядро второго – «постсоветские», рожденные в 1990-е годы (им 16–25 лет). На сцену начали выходить подростки, выросшие в «тучные годы», сейчас брошенные в кризис, – это третье проблемное поколение на подходе.

Различие поколений наши ученые и политики недооценивают. На деле, поколения, которые формируются в ходе изменений главных институтов и картины мира – почти разные народы. Полезно сравнить молодежь Украины «Майдана-2004» и «Майдана-2014» – это принципиально разные молодежные общности.

В 1990-е общество раскололось на «благополучных» и «бедных», эти общности расходятся и соединяются в разные «два народа». Их молодежь – разные культурные типы. Еще линии разрыва: регионы, типы поселений и «мобилизованная этничность». Отдельного изучения требуют диаспоры и общность трудовых мигрантов. В ходе распада больших общностей возник мультикультурализм молодежи: атомизированные молодые люди стали группироваться «по стилям». Сформировалось большое число молодежных субкультур. Наверху видны их активные организованные группы, а внизу рыхлые массы симпатизирующих. Они могут быть активированы.

Необходима «карта» структуры молодежи, связи между ее элементами и с подсистемами общества (включая преступный мир) и государства, а также с внешней средой. На ее основе можно сделать «карту» актуальных и вероятных угроз, зарождающихся в молодежи.

Важным условием успеха программирования политики является умение представить объект политики в каком-то чувственном образе в процессе его развития (шире, изменения). Обычно для этого прибегают к «визуализации», составляя образ изучаемой системы в каких-то знаках. Без этого трудно сформулировать цели, поскольку предмет «молодежь» – гетерогенная и изменчивая система. Подходы к каждому элементу этой системы преследуют разные цели и используют разные средства.

В данный момент почти нет разработок по визуализации образов больших общественных систем, из-за чего качество политических доктрин очень ухудшилось. Политики не видят большую систему в целом, особенно в динамике. Они не имеют ее образа и готовы рассуждать лишь о конкретных элементах системы или представляют ее бесструктурной массой – как, например, *молодежь*.

В среде обществоведов большее внимание молодежи уделяют социологи. За последние 30 лет они накопили огромный массив эмпирических данных. Если сохранять чувство меры и делать скидку на то волнение, с которым социологи формулируют свои выводы из исследований социального самочувствия разных молодежных групп, то массив статей главного профессионального журнала «Социологические исследования» («СОЦИС») за 1989–2016 годы можно принять за выражение *экспертного мнения* большого научного сообщества. Важным качеством этого коллективного мнения служит и длинный временной ряд – динамика оценок за все время реформы.

В своих оценках сообщество социологов России практически *единодушно*. Статьи различаются лишь в степени политкорректности формулировок. Эта записка составлена в основном на выводах исследований социологов, автор лишь сделал отбор этих выводов из большого массива и сделал акцент на небольшом перечне проблем молодежной политики. Расширить этот перечень при необходимости можно очень быстро.

Молодежь в кризисном обществе

Социологи говорят: молодежь – это «группа риска в кризисном обществе». Такой предмет не описан в учебниках, у нас нет опыта в обращении с ним, не помогут нам и западные эксперты. Нужна научная программа с системной методологией. Ни советское, ни нынешнее обществоведение за такие задачи не брались и не берутся. Предмет как целостность делится на кусочки, ход массивных процессов не виден.

Здесь важно понятие *кризисное общество*, в котором обитает молодежь. Кризис – это *особый тип бытия*. Это – *болезнь общества* (хозяйства, государства). Как и при болезни человека, в этот период необходимо создать *особый тип жизнеустройства*, качественно отличный от образа жизни стабильного времени. Это значит, надо создавать новые социальные формы и нейтрализовать те социальные формы, которые провоцируют или усиливают болезнь.

Очевидно, что перед государством и обществом возникли совершенно новые задачи, которых не было ни в царской России, ни в СССР, но возможности составить объективную и системную картину состояния и процессов в сфере российской молодежи *неадекватны*. Потенциал рационального изучения этой сферы очень низок, но еще тревожен тот факт, что и тот эмпирический материал, который поставляют научные и ведомственные службы социологии, ни государство, ни общество не используют.

В обзоре недавнего международного симпозиума социологов о проблемах молодежи сказано: «Участники отмечали, что несмотря на пристальное внимание со стороны социологов, комплексное осмысление и открытое научное обсуждение того, что происходит с молодыми на постсоветском пространстве, все еще редкость».

Очевидно, что молодежная политика (МП) должна исходить из объективных условий, в которых существует множество общностей, составляющих *молодежь*, и из восприятия реальности (объективных условий) каждой общности. Ведь сытый голодного не понимает, а здоровый равнодушен к реформированию здравоохранения.

В принципе, срочная и чрезвычайная задача молодежной политики – анализ состояния здоровья молодежи в целом и по группам, а затем представление этой проблемы как пункта национальной повестки дня. Пока что эта проблема замалчивается политиками, обществом и СМИ. Даже медицинское сообщество старается обходить систему причин бедственного состояния, констатируя факты.

Вот выжимка из докторской диссертации (2014). В ней кратко очерчен образ состояния здоровья особой группы молодежи – студентов. Объяснить причины этого состояния и предложить варианты выхода из этого состояния – *обязательная функция* молодежной политики. Без этого не преодолеть отчуждение студентов от государства.

Вот что пишет автор диссертации: «К концу XX века в РФ произошли крупные социально-экономические преобразования, которые сопровождались значительным ухудшением состояния здоровья как населения в целом, так и отдельных социальных групп, в том числе молодежи. В большей степени негативные тенденции в состоянии здоровья молодежи отмечаются в процессе их профессионального обучения: во многих регионах РФ наблюдается рост заболеваемости среди студентов, расширяется спектр “студенческих” болезней; увеличивается число студентов-инвалидов. Практически здоровыми признаны лишь 16,5 % студентов.

Причинами сложившейся ситуации являются нездоровый образ жизни, неблагоприятные социально-экономические, экологические, санитарно-гигиенические условия обучения и жизнедеятельности (режим труда и отдыха, нерациональное питание, жилищные условия и т. д.), а также высокий уровень психического напряжения...

Положение усугубляется тем, что реформирование здравоохранения в РФ в последние годы привело к разрушению системы диспансерного наблюдения студентов вузов, сокращению числа профилактических осмотров студенческой молодежи» [16].

Вот беспристрастная статистика:

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ПОДРОСТКОВ В ВОЗРАСТЕ 15–17 лет в 1990–1998 гг. [15]
(зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни)

	1991	1998
На 100 000 подростков		
Все болезни	57770,9	78409,5
в том числе:		
инфекционные и паразитарные болезни	2124,7	4188,1
новообразования	67,3	189,2
болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета	523,0	2013,3
болезни крови и кроветворных органов	111,0	404,3
из них анемии	77,3	338,3
болезни нервной системы и органов чувств	3320,9	6592,5
болезни системы кровообращения	389,3	802,4
болезни мочеполовой системы	1061,7	3425,8
болезни кожи и подкожной клетчатки	3175,4	5087,0
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	1098,6	3141,5

По данным *ежегодной диспансеризации, опубликованным* Министерством здравоохранения и социального развития РФ, в 2009 году среди 13,58 млн. детей, обучающихся в школах, только 20,8 % (в 2008 году – 21,4 %) имеют I группу здоровья, более 53,8 % имеют различные функциональные отклонения, 28–37 % – хронические заболевания. Среди выпускников школ более 76 % не являются абсолютно здоровыми [14].

Приведем констатации медиков.

Вот «Итоги XII Конгресса педиатров России. 2008»: «По данным НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков, полученным при углубленных обследованиях за последние 5 лет, прослеживается почти двукратное увеличение распространенности хронической патологии за период пребывания детей в образовательных учреждениях Москвы. В 2005–2007 гг. по сравнению с 1998–2000 гг. I группа здоровья уменьшилась в 3 раза...

По мнению участников конгресса, важным фактором, влияющим на здоровье учащихся, является модернизация системы образования, связанная с повышением учебных нагрузок, использованием новых педагогических технологий без учета возрастных психофизиологических особенностей и функциональных возможностей».

На XV Конгрессе педиатров России (2011 г.) было заявлено, что только 10 % выпускников школ совершенно здоровы, 60 % юношей призывного возраста больны. Ухудшилось физическое развитие: средний рост мальчиков за 20 лет уменьшился 2 сантиметра, вес – на 1,3 килограмма, девочек – на 1,6 килограмма. Подростки стали слабее: динамометрия правой кисти у мальчиков уменьшилась на 10 килограммов, у девушек – на 6 в сравнении со сверстниками 1990-х годов.

Вот данные «Итогов XVIII Конгресса педиатров России. 2015». Здесь надо внимательно читать каждую фразу: «За период с 2000 по 2013 гг. общая распространённость нарушений здоровья и развития среди детей в возрасте до 14 лет увеличилась на 27,5 %. Среди детей старшего подросткового возраста (15–17 лет) – на 50 %. Среди детей всех возрастов отмечается преимущественный рост хронической патологии. Её доля в структуре всех нарушений здоровья в настоящее время превышает 30 %.

По данным Минздрава России, в течение последних ряда лет среди детей уже в возрасте 1–4 лет внешние причины занимают первое ранговое место в структуре причин смерти. Их доля с возрастом прогрессивно возрастает, достигая в возрасте 15–17 лет 75 %. Следует отметить, что влияние медицинских факторов на формирование внешних причин смерти, особенно в старших возрастах, достаточно невелико. Здесь ведущую роль играют другие факторы, прежде всего – социальные и экономические.

Не более 10 % детей в полном объёме справляются с требованиями школьных образовательных программ. Среди 85 % старшеклассников, имеющих хронические болезни, выявляются признаки социальной и психологической дезадаптации. По данным специальных исследований 65,9 % детей старшего подросткового возраста по состоянию здоровья имеют ограничения в выборе профессии и трудоустройстве. Ежегодно по состоянию здоровья до 30 % юношей в возрасте 16–17 лет признаются негодными к военной службе.

Снижается репродуктивное здоровье молодёжи. По данным эпидемиологических исследований, до 40 % бесплодных браков являются результатом мужского бесплодия, 45 % – женского бесплодия и 15 % – бесплодия обоих супругов. В большинстве случаев корни бесплодия лежат в детском и подростковом возрасте».

На Конгрессе в 2016 г. приведены близкие данные.

Культурный кризис вызвал упадок морали, в том числе в форме «сексуальной революции» 1990-х гг. Например, произошел взрывной рост заболеваемости сифилисом. Заболеваемость подростков сифилисом стала расти с 1991 г. а у девочек в возрасте 15–17 лет увеличилась в 1996 г. относительно 1985 г. в 74 раза. Но спектр болезней, связанных с упадком морали, широк, и некоторые из таких болезней гораздо опаснее сифилиса.

Вот что сказано в Государственном докладе «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.» (М., 2000): «Среди причин, приведших к увеличению заболеваемости инфекциями, передаваемыми половым путем, следует указать, прежде всего, на произошедшие изменения социально-экономических отношений, приведших к расслоению населения, повлиявших на поведенческие, в том числе сексуальные, реакции людей... Регистрируемый уровень инфекций, передаваемых половым путем, не отражает истинной заболеваемости населения страны, так как коммерческие структуры и организации, а также частнопрактикующие врачи не заинтересованы в полной регистрации и сообщении сведений в органы здравоохранения о числе принятых ими больных...»

Начиная с 1994 г. в РФ складывается *принципиально новая* эпидемическая ситуация по гепатиту В (ГВ). Резко изменившиеся социальные условия, искажение представления о жизненных ценностях, снижение нравственного уровня среди молодежи привели к резкому росту заболеваемости ГВ. Эти негативные процессы резко превысили успех в борьбе с ГВ, достигнутый к началу 90-х годов. Рост заболеваемости обусловлен двумя возрастными категориями: 15–19 и 20–29 лет, вовлекаемыми в наркоманию и неупорядоченные сексуальные контакты».

Вот оценка эксперта в 2011 г.: «По данным заболеваемости и распространенности гепатита В в России носителями инфекции вируса гепатита В являются около 3 миллионов человек, кандидатами для лечения – примерно 750 тысяч. Получают же лечение по самым демократическим подсчетам 75 тысяч, то есть 10 % от общего числа нуждающихся» [19]. Надо учесть, что до 70 % летальных исходов регистрируются в возрастной группе от 15 до 29 лет.

Здесь – одна из ключевых функций молодежной политики.

Из этого видно, что молодежная политика сама по себе *не существует*, она переплетена с другими функциями и структурами, в частности, с политикой здравоохранения и образования, культуры и семьи. Не имея объяснения тридцатилетнего ухудшения здоровья детей и подростков, а также концепций преодоления этих процессов, обращения политиков к молодежи будут безуспешными.

Фон демографии

Мировоззренческий кризис советского общества после перестройки перешел в глубокий системный кризис. Его важной частью был *кризис демографии*. Любая общность с волнением смотрит за воспроизводством своего «личного состава». Его сокращение вызывает массовый стресс, хотя об этом не говорят.

Состояние таково. Суммарный коэффициент рождаемости в России не обеспечивает воспроизводства населения: его минимальная величина это 2,10–2,15, но за 1990-е годы он упал, в 2000 г. он был равен 1,195, а в 2014 г. вырос (с учетом Крыма) – до 1,750 (рис. 1).¹

¹ Суммарный коэффициент рождаемости – среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю её жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте.

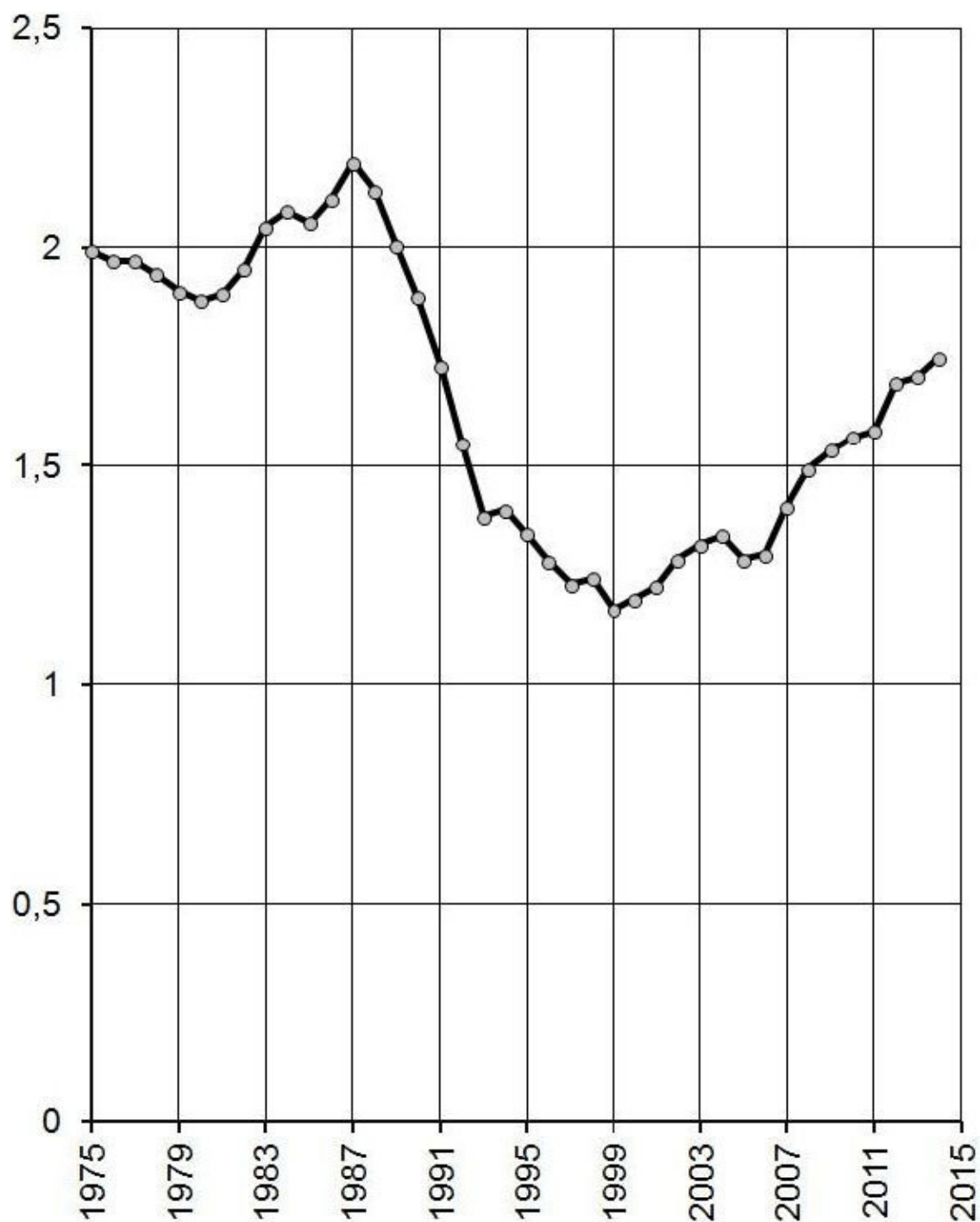

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в России

Согласно «низкому» варианту демографического прогноза, в РФ уже в 2016 г. снова начнется естественная убыль населения, по «среднему» варианту с 2018 г., по «высокому» – с 2021 года.

Таблица. 1.

Естественный прирост населения в России (на 1000 человек)

Родившихся		Умерших	
2015 г.	2014 г.	2015 г.	2014 г.
13,3	13,3	13,1	13,1

Надо учесть, что соотношения *родившиеся/умершие* (на 1000 человек) очень различаются по регионам. Например, таково (2015 г.): Центральный округ 11,8/13,5; Северо-Западный округ 12,5/13,4; Ингушетия 18,6/3,3. Так демографический кризис приобрел и этнический аспект.

Вот сообщение социолога-демографа (2015): «Перепись населения 2010 г. зафиксировала не только сокращение численности и доли основного этноса в населении России, но и ускорение темпов этого сокращения. За 8 лет доля русских уменьшилась почти на 4,9 млн человек (точнее на 4873 тыс.). За эти годы в Россию прибыло на постоянное место жительства из нового зарубежья 70–80 тыс. русских (в 2002–2006 гг. – 52 тыс.)...

Таким образом, за время, прошедшее с 1989 г. по 2010 г., численность русских в России уменьшилась почти на 9 млн человек (7,4 %). Ради объективности заметим, что хотим мы того или не хотим, но такая динамика русского народа представляет питательную среду для проявления различных форм национализма. Конечно, то, что существует проблема русского этноса, невозможно отрицать» [10].

Даже после кризиса 1990-х лет провал рождаемости того периода давал себя знать – контингент детей и подростков сильно сократился. На XV Конгрессе педиатров России было сказано: «Число детей в возрасте от рождения до 17 лет включительно за 14 лет уменьшилось с 34,9 млн. (1999 г.) до 26,5 млн. человек (2013 г.). Снижение численности детского населения произошло, преимущественно, за счёт сокращения числа детей в возрасте 10–17 лет (с 19,2 млн. чел. в 1999 г. до 9,9 млн. чел. в 2013 г. или на 48,4 %)».

Молодежь ответила на реформы 1990-х гг. резким сокращением рождаемости, и эта установка инерционна. В опросах «Жизненные позиции российских студентов» было поддержано такое суждение: «Сейчас, когда будущее неясно, вряд ли стоит рожать детей». В 1997 г. так ответили 40 % к числу опрошенных, в 1999 г. 43,4 %, в 2007 г. 55,4 % (последний опрос – московских студентов).

Автор книги «Солидарность поколений» О. А. Полюшкевич (2014) на основании исследования говорит следующее: в процессе реформ снижается уровень интенсивности и качества ряд таких отношений и условий жизни, как конформность, верность традициям, забота о близких, щедрость (мотивация – благополучие близких), универсализм (благополучие всех людей), безопасность и важность служения. Напротив, возрастает важность самостоятельности, получения нового опыта, гедонизма (наслаждения жизнью), финансовых успехов и материальных достижений, власти (социального статуса).

Прослеживается уменьшение значимости социальных ценностей и увеличение индивидуальных. Просто и понятно (см. [17]).

Это – фундаментальный фактор, и контроль над ним является одной из сложнейших задач молодежной политики. Но об этом никто не говорит.

Кризис нанес тяжелый удар по институту семьи, что сказалось на детях и подростках. Их первая когорта – сейчас уже 30-летние. Но детская травма инерционна – шрам на всех пореформенных поколениях.

Значительная часть детей родились вне брака и росли без отца. За период 1990–2014 гг. в России вне брака родилось 8,36 млн детей (рис. 2). Доля детей, живущих без отца, 25,5 % (на 2010 г.). Распадается более чем каждый второй брак, в 60 % этих семей есть дети. Есть отличия в социализации детей без отцов: преждевременное или запаздывающее освоение социальных норм и культурных ценностей, обретение социальных ролей, а также затяжные кризисы.

Причины этого объективны: у большей части населения реформа изъяла экономические средства для обеспечения детей по стандартам постсоветского общества, в котором разрушены институты солидарности. Вот оценка недавнего времени: «Среди россиян, не имеющих детей или имеющих одного несовершеннолетнего ребенка в составе своих домохозяйств только 31 и 29 % соответственно вошли в число бедных, а для семей с двумя и более детьми эти показатели были равны уже 43 %.

При общем улучшении ситуации с абсолютной бедностью за последние 10 лет вопросам детской бедности и поддержке семей с несовершеннолетними детьми уделялось в этот период явно недостаточное внимание. В итоге, их наличие превратилось в важный фактор бедности “по доходам”.

В целом можно сказать, что российская бедность “по доходам” молодеет и в ее составе увеличивается доля населения трудоспособного возраста до 40 лет» [9].

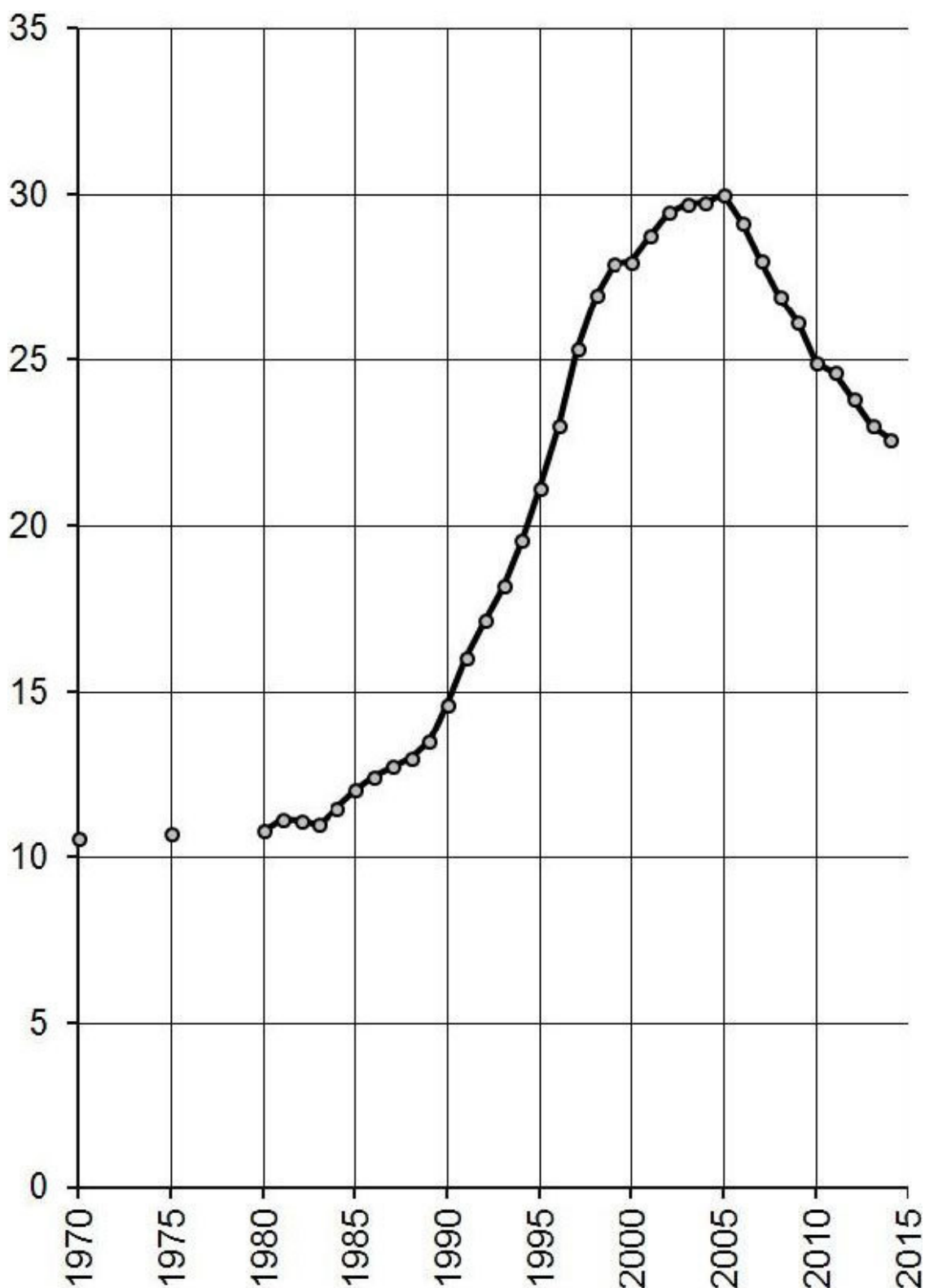

Рис. 2. Рожденные вне брака, % от числа рожденных

Результатом массовой бедности и вызванных ею социальных страхов стал демографический сдвиг, который еще сильнее ослабляет воспитательный и защитный потенциал семьи. Обеднение – важный фактор разрушения семей, он наносит травмы и страдания детям. Вывод социологов (2010): «В кризисных социально-экономических условиях усиливается ориентация родителей на одного ребенка – однодетная семья становится все более типичной для России...

Если принять за 100 % все семьи с несовершеннолетними детьми (всего их 20,7 млн.), то среди них более чем две трети (67,7 %) – однодетные. Двухдетные составляют лишь немногим более четверти (26,9 %), а семей с тремя и более детьми лишь 5,4 %...

Социальные девиации в поведении детей более характерны для неполных семей... Среди последних в каждой третьей (33,4 %) дети пьют, курят, употребляют наркотики. Соответственно, риск попасть в плохую компанию и совершения различных правонарушений и даже преступлений у детей из неполных семей в 2,8 раза выше, чем в семьях, где есть оба родителя» [5].

Вывод из исследования неполных семей (2015) показывает: «От 50 до 60 % неполных семей не могут позволить пригласить к себе в гости родных или друзей, заменить мебель и бытовые приборы, и, что более важно, не имеют возможности оплачивать образование детей. Недельный отпуск вне дома доступен только для 1/3 российских неполных семей... 57,2 % одиноких матерей с большим трудом сводят концы с концами, 34,6 % – с некоторыми усилиями, 8,2 % – легко...

Одинокие матери в большинстве случаев указывают, что работодатели редко предоставляют им льготы и услуги, связанные с лечением ребенка и уходом за ним. Менее трети женщин могут бесплатно или за часть платы приобрести для ребенка путевку в детские летние оздоровительные учреждения» [21].

С начала реформ резко сократились инвестиции в «человеческий капитал» – к концу 1990-х более чем в 5 раз, а в начале 2010-х восстановлены на уровне начала 1970-х (рис. 3).

Многие социологи сообщают, что дети из бедных семей вырастают с заведомо худшим человеческим капиталом. Таким образом, бедность стала воспроизводиться от поколения к поколению. Понятно, что подрастающее поколение переживает чувство глубокой несправедливости.

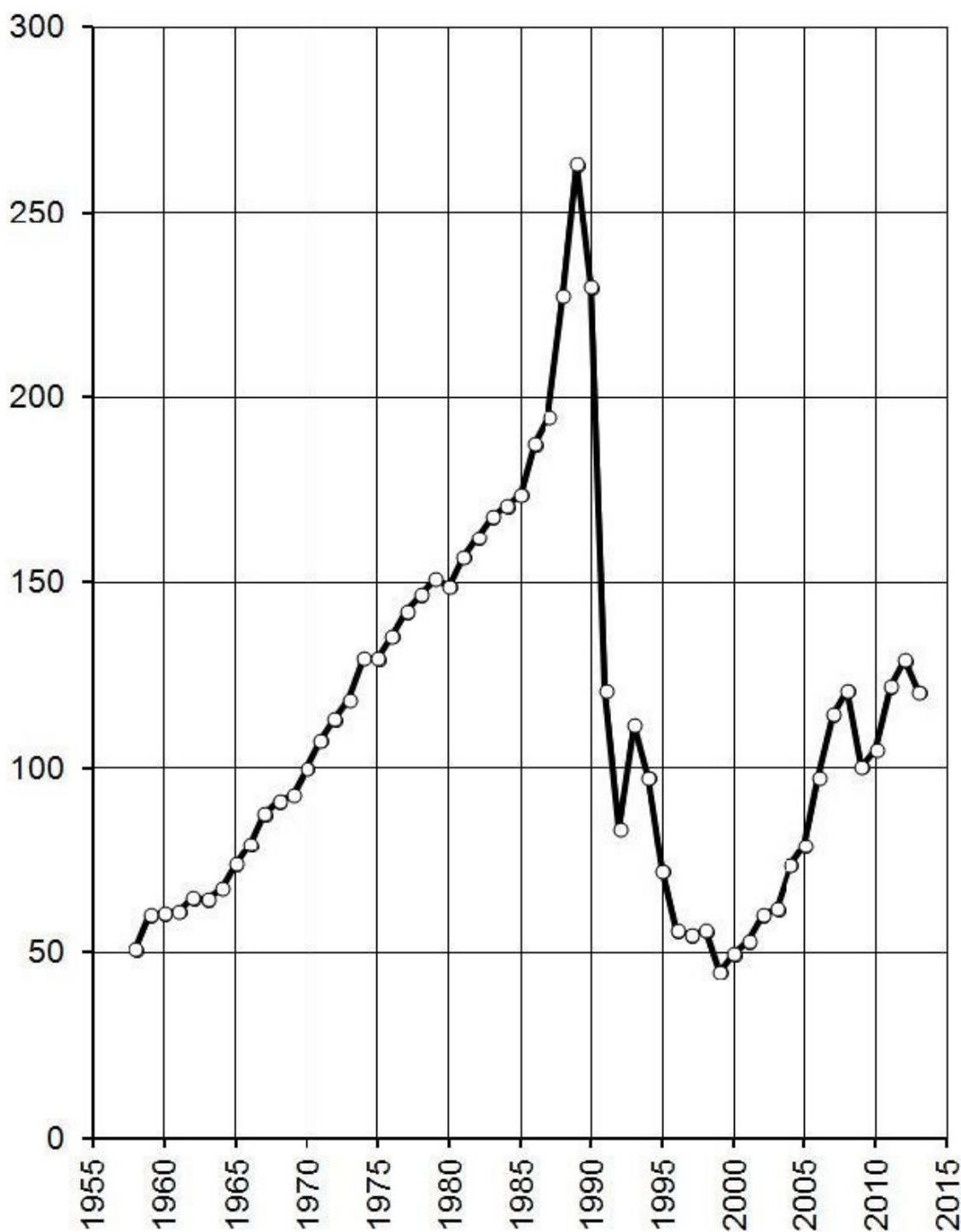

Рис. 3. Индекс инвестиции в «человеческий капитал» (1970 = 100)

Бедность особенно травмировала большую часть детей, особенно детей в неполных семьях. Родители, обязанные выплачивать алименты, массово скрывают свою зарплату, и государство их не контролирует. Юристы отмечают, что организация взыскания алиментов в России «выпадает из мировой практики». Вот данные в 2011–2012 годов: средняя алиментная выплата на получающего составила 3,1 тыс. руб., в месяц (в первой децили по доходам средние алименты составили 675 руб. в месяц, в 10-й – 6931,5 руб.). Это в 2 раза ниже, чем нормы Семейного кодекса зарплат. Так сформировался большой контингент молодежи, которая получила и еще травму этого сорта – государство их не защитило.

Казалось бы, функцией молодежной политики должно было бы обдумать эту проблему и добиться хотя бы коррекции образовательных программ по человеческим отношениям. Мгновенный переход символической сферы российского общества от солидарности и взаимопомощи к социал-дарвинизму – это катастрофа в сознании и учителей, и учеников.

Культурный кризис

Социолог культуры Л. Г. Ионин пишет (1995): «Гибель советской моностилистической культуры привела к распаду формировавшегося десятилетиями образа мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом...»

Болезненнее всего гибель советской культуры должна была сказаться на наиболее активной части общества, ориентированной на успех в рамках сложившихся институтов, то есть на успех, сопровождающийся общественным признанием. Такого рода успешные биографии в любом обществе являют собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции. И наоборот, разрушение таких биографий ведет к прогрессирующей дезинтеграции общества и массовой деидентификации.

Наименее страдают в этой ситуации либо индивиды с низким уровнем притязаний, либо авантюристы, не обладающие устойчивой долговременной мотивацией... Авантюрист как социальный тип – фигура, характерная и для России настоящего времени» [1].

Гибель советской культуры привела к глубокому культурному кризису, который во многом определил состояние общества России и процесс его воспроизводства. Молодежь, уже с детства, оказалась накрытым этим кризисом, как и все населения. Это огромная тема, из нее здесь выберем особо главные для молодежи аспекты.

Главным следствием реформ 1990-х годов стал распад, *дезинтеграция* российского общества. Кризис усугублен разрывом поколений в процессе краха СССР. Молодежь утратила основу для социализации, от старших поколений прервался поток житейского опыта, навыков и ценностей ядра культуры. Был утрачен важный источник знания и установок через личный контакт со старшими поколениями.

Социолог пишет: «Конфликт поколений может протекать латентно, как скрытая социальная напряженность, или происходить открыто, как столкновение мнений, представлений, взглядов, идей. Наиболее экспрессивное и агрессивное противостояние поколений происходит на макроуровне по проблемам идеологии... Негативное влияние на межпоколенные конфликты оказывают такие социальные явления, как социальное неравенство и социальная несправедливость, конкуренция и безработица, этнические, сословные и религиозные разногласия.

Обострению межпоколенных конфликтов способствуют масштабные и динамические изменения в политической и экономической структурах общества, смена бытовых и культурных стандартов, а также сопутствующие им социальные конфликты, такие как, например, семейные, этнические, классовые, профессиональные» [4].

На международном симпозиуме «Куда идет Россия?» (15–18 декабря 1994 г.) Б. В. Дубин (ВЦИОМ) сравнивал установки трех поколений – «дедов», выросших в военные и первые послевоенные годы, «отцов» или зрелого поколения (40–55 лет) и молодежи. О «дедах» сказано в двух строчках – их опыт «сегодня обесценен в глазах других поколений», они «символически отторгнуты самой властью», так что им остались «доживание и усталость». О зрелом поколении он пишет: «Поддержав смену социально-политического режима и его идеологии, это поколение оказалось неготовым к выработке и принятию тех ценностей, которые несла с собой рыночная экономика, – терпимости к неравенству, духу и вызову конкуренции, нескрываемому активизму, индивидуалистической свободе. Скоро стало ясно, что времени адаптироваться к новым условиям у людей этого возраста уже нет».

Об отношении молодежи к рыночным ценностям автор делает красноречивый вывод: «На “глубине” исторической памяти – в картине мировой истории, крупнейших событий или

деятелей XX в. – у всех поколений пока что господствует единая модель. По своему происхождению она советская» [38].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.